

Раби́т Ба́тулла

120

ПЕЧАЛЬНЫЙ ВЗГЛЯД ИЗ ПРОШЛОГО

*О фотографиях, запечатлевших
Габдуллу Тукая*

НА СЛЕДУЮЩИЙ год исполняется 140 лет со дня рождения народного поэта, литературного критика, публициста Габдуллы Тукая, заложившего своим творчеством основы современной татарской литературы и языка.

Знаменательная дата! Но в толковании жизненного пути поэта остаются ещё островки белых пятен, противоречивых суждений о некоторых фрагментах его бытия и творчества. Вообще-то так бывает в освещении судеб великих людей, случаются порой и путаница, и политический расчёт, и безответственность, и просто низкий профессионализм. Говоря о Тукае, все эти отрицательные качества видны особенно на его изобразительном ряде – в различных альбомах, книгах, журналах, даже академических.

Известно, что Габдулла Тукай не очень-то любил фотографироваться, но всё же сохранилось около двух десятков его фотографий. Однако не по своей инициативе шёл он к фотографу,

а лишь поддаваясь уговорам друзей. Потому что, во-первых, мусульмане обычно сторонились фотографических ателье; во-вторых, Тукай не считал себя фотогеничным; в третьих, один глаз у него был подёрнут бельмом. Он стеснялся этого бельма и потому-то, наверное, бывал несчастным гостем в женском обществе.

На всех сохранившихся фоторграфиях Тукай запечатлён печальным, с задумчивым и невесёлым взглядом. Но будет ошибкой считать, что жил поэт в постоянной печали и тоске. Нередко бывал он и весел – шутил, смеялся, писал едкие пародии на нерадивых коллег и даже на своих друзей. Тукай виртуозно играл на кубызе и прекрасно пел татарские народные песни, у него был мягкий баритон.

На разных фотосъёмках Тукай предстал по-разному. И каждый раз возникает такое впечатление, что с очередной фотографии на тебя смотрит другой человек, только взгляд всегда сохраняется одинаково печаль-

ный. Почему так? Возможно, нелёгкая судьба, выпавшая на его долю, различные обстоятельства и прогрессирующая болезнь всё-таки имели непосредственное влияние на его внешний вид.

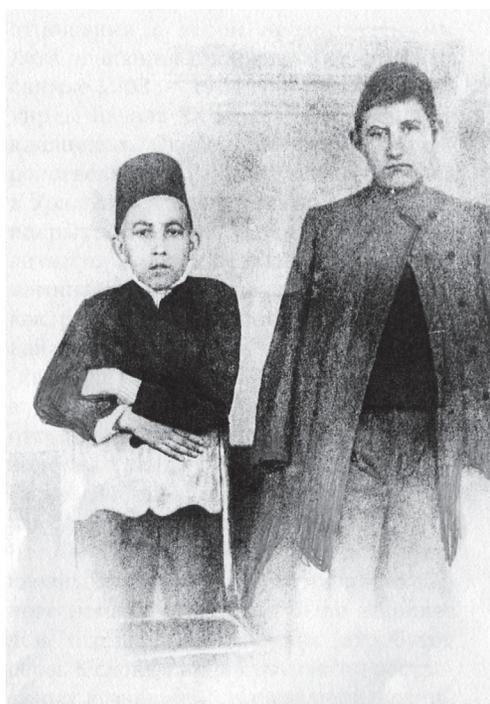
Тукай прожил всего 27 лет и успел сделать для татарского народа больше, чем множество других творческих личностей разных времён. В то же время довелось ему испытать столько душевных и физических невзгод, сколько не выпало на долю большинства его коллег по литературному цеху. По его стихам, сказкам, публицистике может показаться, что писал их не то гениальный юноша, не то мудрый аксакал. А эти бессмертные творения явлены свету одним молодым человеком всего лишь за семь последних лет его жизни и составили в результате увестистые тома, будто создавались целое столетие. И внутреннее состояние поэта, и внешность его на протяжении этого жизненного «столетия» заметно менялись. Возможно, потому так и разнятся фотографии с изображением нашего Тукая.

В детстве он не фотографировался, впервые предстал перед объективом фотоаппарата в 1903 году (ему было семнадцать), а всего через десять лет Тукай уже покинул наш бранный мир.

* * *

1. В 1903 году Тукай сфотографировался вместе с приятелем, турецким эмигрантом. Считается, что это первая фотография поэта.

На фотографии этой Тукай стоит, облокотившись на спинку стула, небольшого роста, в казакине, из-под которого видна белая сорочка, на голове шакирда модная феска. Тукаю здесь 17 лет. Но он выглядит совсем как подросток. Это время каникул 1903 года. Рядом с Тукаем стоит высокий, с накинутым чекменем молодой человек лет двадцати.

1. Габдулла Тукай с турецким путешественником Габдулвалием Амруллой, 1903

На стендах музеев Татарстана и в фотоальбомах, посвящённых Тукаю, написано, что на этой фотографии запечатлены Тукай с Кариевым. И экскурсоводы рассказывают посетителям, что рядом с поэтом – выдающийся татарский актёр и режиссёр Габдулла Кариев. Да, учась в другом медресе, Кариев часто посещал медресе Мутыгия, где жил и учился Тукай. Но этот рослый молодой человек не Габдулла Кариев, это гражданин Турции Габдулвали Амрулла. Он приехал в Россию вместе с Камилем Мутыги. Камиль-эфенди путешествовал по Европе и по восточным странам, встретил там Амруллу и пригласил его к себе на родину. Этот молодой турок, видимо, был участником движения «Младотурки», восставшего против власти султана Абдулхамида. Боясь, что его арестуют, Амрулла бежал в Европу. После посещения Оренбурга и Троицка некоторое время он жил

2. Габдулла Тукай с Камилем Мутыги.
Уральск, 1905

в медресе Мутыйгия. Шакирды медресе во время летних каникул тогда разошлись по домам, а Тукай остался, так как у него не было родных. Знакомство с образованным турецким парнем юному Тукаю пришлось кстати: Амрулла рассказывал ему о турецкой и французской литературе. Был он рядом с Тукаем около полугода и уехал, продолжая своё путешествие по регионам тюркоязычных народов. И след Габдулвали Амруллы далее теряется.

Доказать, что на фотографии запечатлён не Габдулла Кариев, а Габдулвали Амрулла весьма просто. И раньше я встречал косвенные подтверждения этому, да и солидные издания «почему-то» не помещали на свои страницы снимки Тукая вместе с Кариевым 1903 года. Сомневались, видать. Но главное вот в чём. У Кариева и Амруллы одинаково округлые лица с крупными чертами,

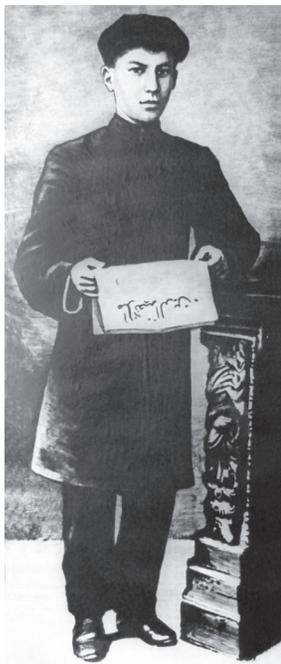
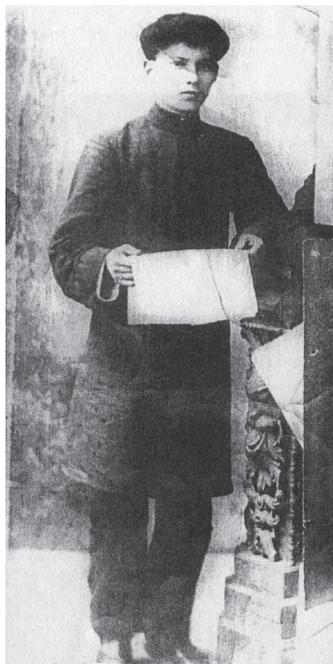
и оба в те времена общались с будущим поэтом. Но одна неоспоримая деталь указывает на просчёт исследователей – у Кариева и Амруллы разная форма ушей. У Кариева она правильная, можно сказать, классическая, точно выточенная из мрамора. А у турецкого гостя уши, как говорят в народе, лопоухие, особенно в верхней части. Сравните портреты отца татарского сценического искусства (их достаточно в различных изданиях и Интернете) с представленным снимком, и все сомнения будут рассеяны. Добавлю лишь, конфигурация ушей человека по жизни не меняется, если только не внесёт поправку какая-нибудь травма или болезнь.

* * *

2. Вот ещё одна фотография, которая породила немало споров.

Кто-то говорит, что это не Тукай рядом с Мутыги (Камиль Мутыгуллович Тухватуллин), а какой-то шакирдишка; некоторые утверждают, что это дальний родственник Мутыги; третьи пытаются доказать, что тщеславный Мутыги сфотографился с каким-то бедным шакирдом для того, чтобы выглядеть эффектнее.

Но безусловно, что на фотографии Тукай и Мутыги (журналист, издатель, редактор, полиглот, мастер-учитель, переводчик Корана, человек рослый, одетый, как денди, популярный артист и борец, сын состоятельного человека, который открыл в своё время и содержал медресе «Мутыгия»). Мутыги учился в Каире и Стамбуле, путешествовал по Европе... В течение долгих лет гастролировал в России как певец (баритон). И эта «голубая кровь» пожимает, как равному, руку какому-то мальчишке, одетому в мешковатый казакин и помятые брюки, обутому в поношенные штиблеты. В тогдaшнее время сфотографироваться было немалой проблемой – необходимо было идти в фотоателье или же приглашать фотографа на дом за приличную цену.

3. Тукай с журналом в руках по воле издателей в трёх видах. Уральск, 1905

Если этот шакирд является родственником богатого Мутыги, то почему он так бедно одет? Просто высокообразованный Мутыги понимал, кем в будущем станет этот шакирд, поскольку Тукай уже 1905 году начал проявлять себя мастером поэтического пера. На страницах газеты «Мысль» были напечатаны его стихотворения «Про правду», «Друзьям одно слово», «Сон мужика». Мутыги быстро сблизился с Тукаем, давал ему возможность пользоваться своей богатой библиотекой, был его добрым наставником, водил всюду, в том числе – и в фотоателье, оплачивая все расходы. Вывод однозначен: этот совсем не представительный на вид шакирд и есть Габдулла Тукай. Об этом свидетельствует и Ибрагим Нуруллин в своей книге «Тукай», вышедшей в серии «ЖЗЛ», и коллектив авторов трёхтомника АН РТ под редакцией Марселя Ибрагимова и др. И обратимся опять-таки к форме ушей того, кого некоторые считают, что это родственник Мутыги. Стоит сравнить левое ухо Тукая на данном снимке с левым же его

ухом на фотографии, где он заснят с Фатихом Амирханом (1912), а также с другими фотопортретами, где он один или в группе, то сомнений не остаётся – Мутыги пожимает руку Тукаю.

Обратим внимание на штиблеты шакирда. Одна из них от долгой ходьбы смотрит носком вверх. Возможно, шакирд криво ступал на левую ногу. Тукай первым в медресе обулся в штиблеты. В те годы даже самые продвинутые шакирды ходили в тяжёлых сапогах. К слову, эти штиблеты остались неизменными на фотографиях Тукая и через годы.

* * *

3. А вот совершенно уникальная фотография.

На первичном снимке, сделанном в уральской типографии, где Тукай работал, название журнала, который он держит в руках, не просматривается. А на обработанных позже фотографиях название появилось. Оно выведено чётко. Это, как утверждает-

ся, азербайджанский литературно-художественный сатирический журнал (хотя больше похож на газету) «Мелла* Насретдин», который издавался в Тифлисе.

Здесь Тукай не юнец, не подросток, он взрослый молодой человек. Ему 19 лет. На разных публикациях этой фотографии Тукай с журналом в руках то облакачивается на изящную подставку с чьим-то локтем впритык, то облакачивается уже в одиночестве на ту самую подставку, а то в одиночестве опирается на пустоту (подставка исчезла). Кто-то, понятное дело, оказался нежелателен рядом с будущим народным поэтом, и его отрезали, удалили, а локоть вот оставили, не покрасили по халатности.

У этого снимка трагическая судьба. Да, мы видим на отредактированной советской цензурой фотографии чей-то посторонний локоть – часть чьей-то руки. Кто же так мешался издателям? Отвечаю: с фотографии и, стало быть,

* Мелла (азер.) – должность в исламе выше муллы.

из татарской истории было решено изъять фигуру учителя, наставника, старшего друга Габдуллы Тукая – Камиля Мутыги. Но неряшливых цензоров подвёл оставшийся ненароком локоток. Вот и последовавшая чехарда с изображением Тукая в типографии Уральска.

Почему же цензоры от советской печати попытались удалить облик издателя, педагога, мецената татарской культуры Мутыги? Ведь в историческом рождении великого Габдуллы Тукая немалая роль принадлежала именно Камилю Мутыги и его отцу Мутыгулле. При наступлении «красного террора», когда на троне воцарилась советская власть, началась пора гонений и на Мутыги. Будто он обижал Тукая, будто Тукай ненавидел своего наставника. Всякое бывало в их отношениях – и крепкая дружба, и расхождение, и сближение, и второе совместное фото. И, к сожалению, необоснованный, оголтелый накат властей. Не стерпела душа Камиля-эфенди, и он в 1941 году покончил с собой. Ему было всего 53 года. И если даже он сам не ушёл бы из мира сего, то всё равно, думаю, режим довёл бы его до смерти. Искус-

ственно созданная классовая борьба в стране не терпела людей умных, свободно мыслящих, тем более из «бывших»...

В заключение по поводу упомянутого журнала, замечу, что название его в оригинале, как видим, не просматривалось, и его при «обработке» фотографии, думаю, дописали, хотя подлинности названия не отрицаю.

* * *

4. На этом фото Тукай совсем не похож на себя. В чёрных очках, какие обычно носят слепые люди, волосы вздыблены, помятый казак, штиблеты в пыли... Говорят, что Тукай начал носить такие очки, когда у него на правом глазу стало образовываться бельмо.

4. Тукай (в чёрных очках) среди уральских товарищей. Фото В. П. Онуфриева. Уральск, 1906

5. Габдулла Тукай.
Фото С. И. Иванова. Казань, 1908

* * *

5. На этой широко известной фотографии Тукай запечатлён в белой сорочке, галстук (скорей всего, шейном платке), пиджаке и тубетейке. По словам близкого друга поэта Вафы Бахтиярова, Тукая уговорил на съёмку издатель Бурган Шараф, а привёл его в фотоателье С. И. Иванова на Чёрном озере языковед, историк, издатель Гильми Шараф. Перед съёмкой, не взирая на протесты Тукая, он снял с себя каляпуш и надел на поэта, объяснив это необходимостью его солидного вида на фотографии. Как стало известно позже, Гильми-эфенди договорился, оказывается, с Семёном Ивановым, чтобы тот сделал хрупкого на вид, утончённого Тукая более упитанным, респектабельным... Как видим, фотограф справился с задачей. На мой взгляд, всё же, несмотря на внешний лоск поэта на этой фотографии, наш Тукай получился не совсем реалистичным, не совсем соответствующим жизненной правде.

* * *

6. Здесь Тукай совершенно иной, его глаза улыбаются.

Это единственный портрет такого просветлённого Тукая. Он только что смеялся, смех ушёл, а еле заметная улыбка в глазах и уголках рта осталась. Тукай в костюме-тройке, в сорочке со стоячим воротником, при галстук, без каляпуша, который на съёмках ему, бывало, навязывали. Как не вспомнить тут пушкинскую фразу «как денди лондонский одет».

Замечу, между прочим, никогда он не имел своего галстука, как и много чего другого. Но зато уже при жизни поэт имел необыкновенную популярность. Такую, что его облик печатался на открытках, почтовых карточках, распространялся в многочисленных копиях.

6. Габдулла Тукай. Открытое письмо. Казань, 1910–1911

* * *

7. Тукай среди членов редколлегии газеты «Эль-Ислах». Фото С. И. Иванова. Казань, 1906

* * *

7. Хрестоматийная фотография. Слева направо запечатлены на ней редактор и издатель Вафа Бахтияров, Кабир Бакир, театральный критик, близкий друг Тукая – Кабир Бакир, идейный руководитель Фатих Амирхан, сотрудник, младший брат Амирхана – Ибрагим Амирхан и Габдулла Тукай.

Да, фотография широко известна, но от этого не проходит у меня ощущение, что посередке, вместо нелогично пустого места должны были быть ещё два лица. Опытный фотограф Семён Иванов не должен был так ошибаться в композиционном построении своей работы. Фотография в данном виде разваливается на две автономные части. Кто здесь оказался «лишним» – история умалчивает.

8. Практически во всех изданиях этот снимок датируется 1908 годом. Но, спрашивается, как это возможно сфотографироваться человеку в одной и той же (белой с полосками) рубашке при том же галстуке и в 1908, и в 1912 годах? Да ещё с абсолютно одинаковой причёской и на одинаковом фоне?

Тукай с Амирханом сфотографировался в 1908 году с членами редколлегии газеты «Эль-ислах» у фотомастера И. С. Иванова (см. предыдущее фото). А вдвоём они сфотографировались не в 1908-м у Иванова, а в 1912 году у известного в Казани мастера И. М. Якобсона в его фотоателье на улице Воскресенской. О совместном снимке в том году упоминает в своей книге «Тукай» (серия «ЖЗЛ») и Ибрагим Нуруллин.

В тот же день, 12 июля 1912 года, в том же своём фотоателье Иосиф Якобсон сделал два портрета Габдуллы Тукая в той же белой полосатой сорочке с галстуком, при абсолютно той же короткой причёске и на том же светлом фоне. Один анфас, другой в полупрофиль. Добавлю, что Якобсон в тот же день создал и индивидуальный портрет Фатиха Амирхана.

Тукай неохотно соглашался фотографироваться. Но раз уж друг попро-

8. Габдулла Тукай с Фатихом Амирханом. Фото И. М. Якобсона. Казань, 1912

9. Габдулла Тукай.
Фото И. М. Якобсона.
Казань, 1912

сил... Фатих Амирхан тщательно подготовил поэта к съёмке – предоставил ему свой цивильный пиджак, сорочку, галстук...

Тукай к тому времени почти ослеп на один глаз. До сих пор пишут разное об этом. И современники Тукая подтверждали, что один глаз поэта был подёрнут бельмом. Но какой? Дефект глаза на этом фото, да и на других, не заметен. Галиаскар Камал пишет, что у поэта с бельмом был правый глаз. Зайтуна-туташ говорила, что дефект был на левом глазу. Известно, что Галиаскар Камал виделся с Тукаем довольно часто. Зайтуна-туташ встречалась с поэтом два раза. Кто из них прав?

На данном изображении правый глаз Тукая чуть больше, чем левый. Известно, что и слепнувший, и слепой глаз раскрыт бывает шире. Зайтуна-туташ, как воспитанная девушка, не могла прямо и долго всматриваться в глаза возлюбленного. Значит, согласимся всё-таки с Галиаскаром Камалом: у Тукая с дефектом был правый глаз!

* * *

9. Среди всех фотографий Тукая, говорящих о его судьбе, таланте, чувствах и величии, эта, данная выше, наиболее выразительна. Казанский фотограф, золотой медалист Всероссийской научно-промышленной выстав-

ки в Санкт-Петербурге 1909 года Иосиф Якобсон поймал пронизательный взгляд поэта в полуобороте утончённого лица за год с небольшим до его смерти. Взгляд этот и печален, и строг, и вопросителен, словно обращён к будущим поколениям: а вы будете продолжать мой путь – путь сохранения языка, культуры, традиций? Это подлинный портрет-шедевр, это – настоящий, великий Тукай. Его взгляд озабочен проблемами своего времени и одновременно устремлён в будущее. По-моему, проникновенный образ этот может служить для различных изданий и произведений искусства о Тукае яркой визитной карточкой народного поэта.

10. Габдулла Тукай.
Почтовая карточка.
Фото И. М. Якобсона. Казань,
1912

* * *

10. Это второй индивидуальный портрет Тукая, сделанный Якобсоном в тот же день, что и данный выше, что и вместе с Фатихом Амирханом. В той же Тукай белой в полоску сорочке с галстуком, пиджаке, опять-таки без головного убора. Выпущена фотография в виде почтовой карточки. Хотя она в нашей подборке непроблемная, как другие, но служит доказательством, что все три представленных здесь снимка сделаны одновременно и одним фотографом в 1912 году.

* * *

12. Больной туберкулёзом Тукай больше месяца лежал в Клячкинской больнице. Несмотря на третью, последнюю, стадию болезни и зная, что дни его сочтены, поэт много читал, писал стихи, посылал записки-письма друзьям и в редакцию журнала «Ялтыолт». В те дни он подготовил статью «Уянгач беренче эшем» («Первое дело после пробуждения»), в которой строго оценил свой творческий путь.

Данный портрет снят за сутки до смерти поэта. Друзья с его разрешения пригласили фотографа Иосифа Якобсона в больницу для памятных снимков. Тукай на этой фотографии сидит на больничной койке, обняв колени. Рот его приоткрыт, он вдыхает последние в своей жизни глотки воздуха. Он до того похудел, что выглядит, совсем как подросток. Вид его в таком состоянии щемит сердце.

Поэт работал до последних дней своих, оставив в итоге обновлённую татарскую литературу и современный татарский язык. У самого не было ни своего дома, ни семьи, ни родных... Так бывает у избранников Всевышнего.

12. Тукай в больнице К. А. Клячкина (открытка). Фото И. М. Якобсона. Казань, 1 (14) апреля, 1913

128

11. Г. Тукай рядом с Ф. Амирханом, за ними стоят братья Гафур и Каюм Кулахметовы. Фото И. М. Якобсона. Казань, 1912

* * *

11. Перед нами опять-таки фотография, подвергнутая вандализму, иначе не скажешь. От неё осталась только центральная часть. Левая и правая не просто отрезаны, а варварски оторваны. Кто-то на групповом снимке был нежелателен. Тем не менее буквально все издания печатают этот снимок «поправленным», без рваных следов. Хотя бы поясняли, что это фрагмент. Нет, нигде это не делается.

13. Тукай на смертном одре. В изголовье – друзья-посетители. Фото И. М. Якобсона. Казань, 1 (14) апреля, 1912

* * *

13. Тукай лежит, запрокинув руки за голову. В изголовье его друзья. Слева направо: актёр и режиссёр Габдулла Кариев, писатель Фатих Сайфи-Казанлы и издатель Шигабутдин Ахмеров. Исторически фотография ценная, но вот с профессиональной, художественной точки зрения неудачная. Чувствуется постановка, да и просто нелепая – посетители на отшибе, у них никакой связи с больным, взгляд которого далеко вне палаты. Это почувствовал и автор снимка и позже переделал её, удалив посетителей. (См. № 14.)

* * *

14. Повторяю, поэт лежит на спине, запрокинув руки за голову, как и на предыдущем снимке. Но посетителей около него уже нет и несколько иное кадрирование фотографии. Якобсон творчески поработал над первоначальной композицией, убрал посетителей, переснял и поместил фотографию в фирменное паспарту. И получился совсем другой эффект. Искусственность снимка исчезла, и перед нами предстал подлинный Тукай в последние часы своей жизни. Поэт худ, измождён, но взгляд его спокоен, задумчив, устремлён куда-то вдаль, за пределы палаты, болезни, времени...

14. Тукай на смертном одре. Фото И. М. Якобсона. Казань, 1 (14) апреля, 1913

Да, бывает порой, что вмешательство в готовую фотографическую продукцию – это вовсе не вандализм, а творческий подход. Особенно, когда это делает сам автор снимка, в данном случае такой мастер, как Иосиф Якобсон.

* * *

15. На этой фотографии – посмертная маска Тукая, заснятая в профиль. Черты лица поэта заострены, он ещё при жизни перед смертью сильно похудел. Нет смысла сравнивать эту маску с фотографиями живого поэта. Но хочется сказать, и тут он со своим высоким лбом, тонким римским носом и с неплотными сжатыми устами (словно что-то ещё

15. Посмертная маска Тукая

хочет сказать) выглядит красиво и одухотворённо, пусть и глаза закрыты, и нет уже его живого, проникновенного взгляда. Да, это маска, как и у Пушкина, Толстого, Гёте, Бетховена... Да, это посмертный скульптурный портрет, но и он излучает поток энергии, заряжает чем-то высоким и вдохновенным.

И время тут не властно. Тукай стал символом бессмертия, жизненности татарского языка, литературы, культуры, традиционных устоев. Его образ возрождается вновь и вновь в произведениях поэтов и художников, его стихи передаются из уст в уста, из книг в книги, они звучат как гимн бесконечной жизни нашего народа.

* * *

В заключение хочу всё же заметить: величие нашего Тукая величием, но, оглядывая всю литературу о нём – книги, фотоальбомы, журналы, брошюры, компьютерные сети, приходишь порой в недоумение. Столько в них путаницы, ошибок, вольного обращения с фотографиями и текстовками к ним. И это прослеживается даже в солидных изданиях. Вот, например, издание из популярной серии «ЖЗЛ». На обложке дан лучший снимок Тукая в исполнении Иосифа Яковсона. Но он перевернут, и его полупрофиль излишне наклонили вперёд, отчего его взгляд и весь вид стал суровее. Кроме того, у перевертыша изменена причёска. У Тукая здесь, на обложке, волосы зачёсаны справа налево, а не как у него самого в дей-

ствительности, да и у большинства мужчин, слева направо. Казалось бы, пустяк, читатель и не заметит, зато в общей композиции «фасада» издания главный герой кники смотрит, как говорится, не с полосы, не в сторону с общей картинки. Всё, как надо! На последних страницах книги они повторяют этот снимок. Только Тукай там смотрит уже в другую сторону и без наклона головы, и без повёрнутой причёски.

Как это назвать? Ладно, не будем искать определений или упражняться в остроумии, а пойдём дальше. Некоторые снимки ополовинены, но указаний, что это фрагменты, нет. В текстовке к фотографии «Тукай в редакции “Эль-ислах”» сообщается, что Тукай сидит в группе крайним слева, а на деле он справа. По воле горе-издателей получается, что у Тукая на этом снимке монголовидное лицо уважаемого Вафы Бахтиярова.

Но в общем-то замечательная книга, не зря её автор Ибрагим Нуруллин удостоен Государственной премии РТ им. Г. Тукая. И не его это вольности и ошибки, но всё же, но всё же...

Подобные огрехи в текстовках к снимкам и самоуправство в подаче исторических фотографий наблюдаются, к сожалению, и в родных, татарстанских изданиях, в том числе и академических. Не буду называть конкретно и пофамильно, теревить свои же от этого раны. Скажу лишь, обидно за великого Тукая, за тукаеведение в республике и за издателей, которые при подготовке материалов к печати не сказали своего веского, профессионального слова.

